

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

«Сергей был нежный, мало ли что о нем мелют...»

После смерти поэта его мать носила только черное

Напротив музеяного общежития проживала коренная константиновская крестьянка, уже старая женщина: Анну Макаровну навещали дети и внуки из Москвы, а однажды приехала старшая дочь из Свердловска с мужем и сыновьями. Когда старший из внуков, мой ровесник, узнал, что я работаю в музее, сказал:

- А мой отец жил у матери Есенина... как родной, поговори с ним, может быть, что-нибудь любопытное выудишь...

Я пообещал, но... Лишь через год, в юбилейной горячке, вспомнил о зяте Анны Макаровны. И вот Николай Васильевич Ануров вспоминает:

- Да, баба Таня была для меня маманей (в Константинове все внуки зовут своих бабушек ма-

маниями, чисто местное словцо), ведь я у нее со своей матерью три года прожил. Самые тяжелые годы были, война, никак, ну и все такое... - Тут Николай Васильевич замолчал и задумался о чем-то надолго.

Я тоже ничего не говорил. Растворялся, с трудом осознавая, что для моего собеседника Татьяна Федоровна так и останется навсегда «только» маманей, а не матерью великого русского поэта - прежде всего. Сам Николай Васильевич своим видом подсказал мне такое заключение: он весь как-то засветился изнутри, только лишь вспомнив свое военное отчество. И как бы наполнил жизненным содержанием есенинское поэтическое признанье: «Я нежно болен вспоминанием детства». А ког-

да в процессе разговора по инерции я пытался порой «настроить» Николая Васильевича на более высокую что ли волну, «тико» напоминая ему, с каким человеком он провел незабываемые три года, мой старший товарищ как-то сразу внутренне тускнел и съеживался...

Сейчас можно постараться логически объяснить происшедшее с Николаем Васильевичем. Он любил Есенина и его мать не потому, что приобщал, «примысливал» себя к всенародной славе поэта, он любил их внутри себя, в самых сокровенных уголках сердца. Ни прибавить, ни убавить в этом чувстве ничего нельзя.

Да и причем здесь для Николая Васильевича напыщенное - мать великого русского поэта, -

когда простая русская крестьянка в 1943 году приняла подростка и его маму к себе в дом, потому что там негде было жить. Мальчик Коля копал огород, чистил снег, колол дрова и носил воду старой женщине, ставшей для него маманей.

Он рассказывал о своем зажетном прошлом очень просто, без лишних эмоциональных красок. Из скучных полунаемков можно было догадаться, что мама Сергея Есенина была на редкость молчаливая, строго-замкнутая женщина...

Трудно было унять желание вытянуть побольше «любопытного», но я все же старался как можно меньше «подталкивать» своего собеседника. И был за это вознагражден выразительной деталью.

... Я как-то спросил у нее мол, почему ты, мамаян, все время в черном ходишь? А она мне улыбается в ответ: «Меня все Монашкой зовут, да я не потому в черном хожу: как Сергея похоронила, так вот и не снимаю этот наряд...»

Николай Васильевич вспомнил характерное по отношению к человеческой сути Сергея Есенина слово - **нежный**. Не только сын и не только брат, а нечто более емкое: «Сергей был нежный, мало ли что о нем мелют, а он был совсем не такой...»

Это сказано уже после смерти поэта. Сказано матерью. Той, которой в трудную для нее минуту поэт как бы прошептал:

Милая, добрая, старая, нежная,

С думами этими ты не дружишь,

Слушай - под эту гармонику снежную

Я расскажу про свою тебе жизнь.

Много я видел, и много я странствовал,

Много любил и много я страдал,

И оттого хулиганил и пьянствовал,

Что лучше тебя никого не видал.

Геннадий ЦУКАНОВ.

